

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.17

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: aatar@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА – ТЕРРИТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ЗАБЛУЖДЕНИЙ

CRIMINAL PROCEDURE COMPARATIVISTICS – A TERRITORY OF DISCOVERIES
AND MISCONCEPTIONS

Аннотация. Широкое распространение сравнительно-правовых исследований в современной уголовно-процессуальной литературе объясняется не только сугубо познавательным интересом, но и объективной потребностью изучать и учитывать опыт развития иностранных систем уголовного судопроизводства, с тем чтобы своевременно выявлять, решать и прогнозировать проблемы собственной национальной системы уголовного процесса. Цель: выявить признаки качественных и некачественных авторских компаративных уголовно-процессуальных исследований и на примерах показать как позитивный, так и негативный эффект от использования сравнительно-правовых методик в современной уголовно-процессуальной науке либо от авторской имитации их использования. Методы: сравнительного правоведения, структурно-системный анализ и синтез, конкретно-юридический и исторический. Результат: качественная уголовно-процессуальная компаративистика предполагает анализ оригинальных законодательных и иных официальных источников и научной литературы на языке оригинала, стремление автора выявить действительный смысл исследуемого материала. Некачественные сравнительно-правовые исследования или то, что за них выдается в современной уголовно-процессуальной литературе, причиняют вред отечественной юридической теории и практике.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, сравнительное правоведение, сравнительно-правовые методики, доказывание по уголовным делам, досудебное производство по уголовным делам, суд присяжных

Для цитирования: Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная компаративистика – территория открытий и заблуждений / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 133–141

Abstract. The widespread application of comparative legal studies in modern criminal procedure literature is explained not only by purely cognitive interest, but also by the objective need to study and take into account the experience of the development of foreign criminal procedure systems in order to timely identify, solve and forecast the problems of the own national criminal procedure system. Purpose: to identify the signs of qualitative and low-quality author's comparative criminal procedure studies and show by examples both positive and negative effects of using comparative legal techniques in modern criminal procedure science or of the author's imitation of their use. Methods: comparative law method, structural-system analysis and synthesis, specific legal and historical methods. Result: qualitative criminal procedure comparativistics involves the analysis of original legislative and other official sources and scientific literature in the original language, the author's desire to reveal the true meaning of the research material. Low-quality comparative legal studies or what is passed off as such in modern criminal procedure literature harm national legal theory and practice.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, comparative law, comparative legal methods, evidence in criminal cases, pre-trial proceedings in criminal cases, jury trial

For citation: Tarasov A.A. Criminal procedure comparativistics – a territory of discoveries and misconceptions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 133–141 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.17.

ВВЕДЕНИЕ: РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ

Сравнительно-правовые исследования стали в последние как минимум два десятилетия чуть ли не обязательной частью практически всех монографических уголовно-процессуальных исследований. Понятно, что при такой массовости правовая компаративистика представлена в уголовно-процессуальной, как и в любой другой отраслевой юридической науке, работами очень разного уровня и качества. Одни авторы, всерьез утверждая, что они использовали метод сравнительного правоведения в своих диссертациях, считают возможным обойтись без анализа законодательных и литературных источников на языке оригинала, другие понимают, что сравнительно-правовым такой подход назвать нельзя, поскольку чужой перевод на русский язык – это не то же самое, что текст оригинала.

В уголовно-процессуальной компаративистике, как, впрочем, и в любых других юридических научных исследованиях, всегда в той или иной степени присутствует личная идеологическая позиция автора, не чужды эти исследования и соображения политической и иной конъюнктуры. Однако у одних авторов собственная мировоззренческая позиция имеет вид оценочных суждений и не влечет искажения содержания законодательства других государств и позиций иностранных юристов, озвученных в публичном пространстве. У других же это иногда превращается в весьма специфическое «нанизывание» принимаемых ими самими идеологических тезисов и аргументов на тексты используемых иностранных источников. Полагаем, что эмоциональные идеологические отступления, будь то безудержное восхваление зарубежного и международного юридического опыта, характерное для российских уголовно-процессуальных исследований на рубеже XX–XXI вв., или агрессивная ругань в адрес сегодняшних идеологических противников, одинаково вредны для содержания профессионального анализа сравниваемых социально-правовых явлений.

Иногда сравнительно-правовые разделы уголовно-процессуальных научных работ выглядят как примитивная дань современной

моды, как повод блеснуть общеправовой эрудицией, если не сказать проще – поумничать на публике. Иногда уголовно-процессуальная компаративистика действительно помогает решать реальные проблемы теории и практики отечественного уголовного судопроизводства и проблемы международного сотрудничества в этой сфере.

Разные государства в разных исторических условиях проходили или могли проходить схожие этапы в развитии своих правовых систем, сталкиваясь со схожими правовыми и связанными с ними иными социальными явлениями и проблемами. Сравнительное правоведение, если понимать под ним сравнение по каким-то сопоставимым параметрам аналогичных и подобных явлений правовой реальности разных государств, помогает юристам видеть собственные правовые системы как бы со стороны. Качественная правовая компаративистика помогает юристам разных стран лучше понимать друг друга, но что особенно важно, она помогает «предупредить юристов о тех трудностях, с которыми они могут встретиться» [1, с. 14].

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗВОЛЯЮТ ВЫЯВЛЯТЬ И РЕШАТЬ РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Для современных российских исследований практически по любым вопросам доказывания, досудебного и судебного производства по уголовным делам, о роли прокуратуры в уголовном процессе и т. д. характерен патологический плюрализм мнений и такое разномыслие авторских рецептов решения теоретических и практических проблем, что порой трудно разобраться, что же авторы действительно хотят продемонстрировать или изменить. При этом все исследователи убеждены в собственной правоте и уверены в неотразимости приводимых ими систем аргументов. В научный дискурс сегодня периодически включаются лишние юридические содержания эпитеты типа «хорошей теории» (в противовес каким-то плохим), «соответствия народному менталитету» (понимаемому пишущим лучше, чем всеми остальными), «соответствия истинным ценностям»

(в противовес каким-то другим, не истинным) и т. п. В правотворчестве сохранять такой же плюрализм подходов невозможно – в законе должна быть единственная формулировка, по возможности, однозначно толкуемая, а потому удобная в применении, допускающая усмотрение властвующего субъекта (без этого усмотрения нет власти и нет ответственности за нее), но при этом не допускающая неконтролируемого извне властного произвола. В целом же нормативно-правовая регламентация производства по уголовным делам должна быть еще и внутренне непротиворечивой и отвечать потребностям конкретного исторического этапа развития общества в конкретной стране.

В ситуации перманентного реформирования отечественного уголовного процесса, отсутствия его концептуальной целостности и неясности его перспектив значение добротных сравнительно-правовых исследований, на наш взгляд, трудно переоценить.

Профессором Л.В. Головки, ведущим российским специалистом в области сравнительного правоведения, предпринят подробный анализ исторических корней, этапов развития и современного состояния процедур расследования преступлений в разных континентально-европейских национальных правовых системах [2]. Этот анализ наглядно демонстрирует исторический поиск разными европейскими государствами оптимального соотношения между деятельностью полиции, в любом государстве относящейся к органам исполнительной власти, по выявлению и пресечению преступлений и прокурорско-судебной деятельностью по уголовным делам, именуемой юстицией, в силу объективной исторической связи последней с властью судебной. Все проблемы возбуждения уголовного преследования, раскрытия преступлений, собирания доказательств до судебного разбирательства уголовного дела (уголовного иска), так или иначе, обусловлены именно этим соотношением при всем их внешнем разнообразии. Контекст теории разделения властей, который всегда присутствовал во всех реформах, касающихся уголовного правосудия в странах континентальной Европы, позволяет выявить новые грани и российских проблем соотношения досудебного и судебного производства по уголовным делам.

«Полицейская стадия», или «первоначальное дознание» (для его обозначения Л.В. Головки приводит известное французское слово латинского происхождения *préliminaire* (буквально – предварительный, предшествующий началу) – во Франции и романской Швейцарии, *Vorverfahren* (буквально – предпроцесс) – в германской Швейцарии и самой Германии [2, с. 229]), и соотношение этой правоприменительной, но еще не собственно уголовно-процессуальной деятельности в разных странах континентальной Европы – одна из самых актуальных проблем и для современной российской системы уголовного процесса. Столь же полезным видится и анализ различий между европейскими национальными правовыми системами в организации предварительного следствия как деятельности уже исключительно процессуальной: «...Швейцария, принимая в 2007 г. первый федеральный УПК и вводя его в действие с 2011 г., конструировала модель прокурорского следствия как единственную легитимную альтернативу предварительному следствию французского типа (судебному)» [2, с. 265.]. Трудно не заметить, что российские дискуссии о процессуальных ролях следователя, прокурора, гипотетического следственного судьи, исторического судебного следователя, реального руководителя следственного органа и т. д. – это споры о том же самом – об оптимальной для современной России модели предварительного следствия и соотношения его с дознанием и оперативно-розыскной деятельностью.

Качественный анализ зарубежного законодательного и правоприменительного опыта и его доктринального толкования в научной литературе соответствующих стран позволяет не только понять процессы в отечественной правовой системе, но, возможно, избежать каких-то ошибок в будущем.

Нельзя не прислушаться ко многим выводам Л.В. Головки. Например, о том, что отечественные сторонники отказа от стадии возбуждения уголовного дела «напрасно надеются, что подобным образом уберут разного рода "доследственные" проверки» [2, с. 234–235]. Столь же продуктивными для понимания отечественных проблем видятся размышления о «полицизации» российского предварительного следствия с его ие-

рархическим организационным построением с одновременным ослаблением прокурорского надзора [2, с. 266], что объективному следователю действительно не так просто понять, причем вне всякой связи с его – следователя – личными мировоззренческими и идеологическими установками.

Отдельно обращаем внимание на приведенное в работе Л.В. Головки оригинальное немецкое слово *Vorverfahren*. «Предпроцессуальность» какой-то деятельности означает осуществление ее вне уголовно-процессуальных форм с последующей, однако, ориентацией на использование ее результатов в уголовном процессе. Именно так, как полагаем, выглядело «дознание» по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи (1864), проводимое мерами «полицейского разведывания» – негласными наблюдениями и расспросами. Так же выглядит и современное «право защитника собирать доказательства» (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Это «предпроцессуальная деятельность» защитника. С одной стороны, сама по себе она осуществляется вне уголовно-процессуальных правоотношений, ход и результаты ее не имеют собственной процессуальной формы. С другой стороны, эта деятельность не имеет смысла без ориентации на последующее представление ее результатов в уголовный процесс путем заявления ходатайств о допросах указанных защитником лиц, приобщения к уголовному делу предметов и документов. Предпроцессуальной по этой же логике является современная оперативно-розыскная деятельность полиции, результаты которой предполагается представить в официальное производство по уголовному делу, к которому они будут иметь отношение.

Не меньший интерес юридической обществу привлекают сравнительно-правовые исследования по самым спорным вопросам судебного производства по уголовным делам.

В статье Е.А. Юришиной представлен добротный анализ возрожденного в 1995 г. суда присяжных в Испании [3]. Освещенные автором вопросы имеют значение и для самых обсуждаемых в России проблем отечественного суда с участием присяжных заседателей. Профессиональный интерес представляет, например, вопрос о предусмотренной зако-

ном обязанности испанских присяжных мотивировать свой вердикт, а также возможность обращения коллегии присяжных за технической помощью к секретарю суда во избежание формальных ошибок, могущих в будущем повлечь отмену судебного решения [3, с. 91]. Названная процедурная специфика испанского суда присяжных не влечет утраты им сущности именно суда присяжных – присяжные самостоятельно, изолированно от профессионального судьи решают вопрос о виновности либо невиновности подсудимого. Но названные процессуальные правила способны, как представляется, повысить позитивную ответственность присяжных за принимаемое решение (обязанность объяснять свои поступки, как правило, ограждает любого человека от совершения как минимум чего-то абсолютно нелепого). Техническая же помощь секретаря суда, скорее всего, позволяет избежать формальных процессуальных нарушений, которые, как известно, являются самым распространенным в России основанием отмены приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных.

Количественный состав коллегии присяжных в современной Испании уменьшен в сравнении с классическим английским образцом (12), который тоже был апробирован в относительно недавней испанской истории – до ликвидации суда присяжных диктатором Ф. Франко в 1936 г. Сейчас коллегия испанских присяжных состоит из 9 комплектных (заметим: нечетное число, что для большинства стран нетипично) и 2 запасных заседателей [3, с. 88–89]. Стоит обратить внимание и на то, что в Испании суд присяжных не действует в звеньях судебной системы, аналогичных российским районным судам, а также в специализированных «судах по делам о насилии в отношении женщин» и «судах по делам несовершеннолетних» [3, с. 93]. Во всех случаях этих перечислений Е.А. Юришина оперирует оригинальными испанскими наименованиями этих судов, что представляется в данном контексте абсолютно необходимым.

Нельзя не отметить и еще одной особенности испанского суда присяжных: из числа кандидатов в присяжные исключаются не только лица, занимающиеся юридической практикой, что является обычным для многих

стран, в которых действует суд присяжных, но и университетские преподаватели юридических дисциплин и судебной медицины [3, с. 92]. Принципиальный подход испанского законодателя понятен: необходимо исключить из процедур принятия вердикта любые уровни профессионального юридического правосознания.

В целом же благодаря столь интересному аналитическому труду представляется очевидным, что опыт Испании, переживающей «второе рождение» суда присяжных приблизительно с того же временного рубежа, что и Россия (с 1990-х годов), заслуживает научного обсуждения и может оказаться полезным для нашей страны.

Для российских исследователей, занимающихся проблемами доказывания по уголовным делам, несомненный интерес представляет сравнительно-правовая аналитическая статья А.А. Трефилова о доказательствах в уголовном процессе Швейцарии [4]. Автор анализирует не только швейцарский уголовно-процессуальный закон в его оригинальных немецких формулировках, но и высказывания швейцарских ученых по поводу отдельных законоположений в оригинальных литературных источниках. Так, например, выявляется правило о «неисчерпывающем перечне доказательств» (*Kein numerus clauses der Beweismittel*) в ч. 4 ст. 141 федерального Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии (*Schweizerische Strafprozessordnung*) 2007 г. А.А. Трефилов, вслед за швейцарскими теоретиками, ориентирующимися на официальные позиции верховных органов законодательной и судебной власти Швейцарской Конфедерации, раскрывает содержание этого правила: «если соответствующее доказательство или средство его получения не запрещены, то они считаются разрешенными». Автор не без оснований связывает это правило с невозможностью для законодателя полностью предвосхитить развитие технического прогресса и открывающимися при этом новыми возможностями доказывания, в том числе и для собирания и официального представления защитником в уголовный процесс сведений [4, с. 112].

Не меньший интерес для российских специалистов по проблемам уголовно-процессуального доказывания представляют су-

ждения А.А. Трефилова о прямом закреплении в ч. 4 ст. 141 УПК Швейцарии правила, аналогичного англосаксонской «теории плодов отравленного дерева», отвергаемой германскими юристами, но при этом именуемой в швейцарской доктрине почти идентично: *die Früchte des verbotenen Baumes* [4, с. 112]. Согласно названному законоположению «если доказательство, которое не может быть применено, привело к получению последующего доказательства, то оно не может быть применено, если его получение было бы невозможно без получения вышеуказанного доказательства» [4, с. 113].

Использование иноязычных первоисточников стало правилом хорошего тона в правовой компаративистике, поскольку только оно не вынуждает читающего верить автору на слово либо перепроверять все им написанное. Понятно, что читающий должен иметь возможность воспринимать не только русскоязычный авторский пересказ чужих законов и иных текстов, но и убедиться в корректности воспроизведения смысла иноязычных текстовых источников. Лексическое значение конкретных слов, использованных законодателями других государств, и их контекстное окружение, как правило, имеют самостоятельное значение для понимания заложенного в эти слова юридического смысла.

М.А. Куликов в обстоятельном компаративистском диссертационном исследовании с говорящим названием «Меры пресечения по законодательству Российской Федерации и иных государств романо-германской правовой семьи (континентальной системы права)», защищенном в 2020 г. в диссертационном совете при Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел РФ, пишет: «УПК Швейцарии предусматривает два самостоятельных вида ареста: 1) заключение под стражу в досудебном производстве (*Untersuchungshaft*); 2) заключение под стражу в судебном производстве (*Sicherheitshaft*)». В тексте имеется ссылка на оригинальные швейцарские литературные источники на немецком языке, без дословного цитирования каких-либо фрагментов из них [5, с. 168].

На языке оригинала, то есть по-немецки, диссертант приводит только термины, обозначающие, на его взгляд, названные им по-русски варианты ареста. Используя предоставленную

автором возможность, обратимся к дословному переводу обоих приведенных двукоренных немецких слов, чтобы оценить, насколько точно они переведены и использованы диссертантом в контексте его основного изложения.

Слово *Haft*, образующее один из корней в обоих приведенных терминах, переводится как «арест», под которым во всех государствах с официальным немецким языком понимают как заключение под стражу в качестве меры пресечения, так и краткосрочное задержание подозреваемого. К этому корню присоединяются другие, предназначенные для разграничения разных вариантов предварительного ограничения свободы и личной неприкосновенности. Помимо двух названных, в юридической практике немецкоязычных государств достаточно широко используется термин *Vorbeugehaft* (буквально – превентивный, профилактический арест или такое же заключение).

Оба названных в анализируемой диссертации термина использованы в уголовно-процессуальном законе (Strafprozessordnung) Швейцарской Конфедерации (ст. 224 и 229 соответственно). Если вдаваться в семантику этого сложного слова, то термин *Untersuchung* означает «исследование», тщательный, глубокий поиск» (*unter* – под, снизу; *suchen* – искать). В юридическом контексте этот термин обычно переводится как «расследование» (а также как «исследование» или «обследование» – применительно к осмотру и обыску), и условно можно считать, что расследование осуществляется именно до суда, до направления в суд сформулированного и обоснованного обвинения, которое далее поддерживается обвинителем перед судом. То есть авторский перевод термина *Untersuchungshaft* в диссертации М.А. Куликова как «заключение под стражу в досудебном производстве» можно, с учетом всего сказанного, условно считать корректным. Ценность исследования эта условность под сомнение не ставит, напротив, лишь стимулирует читающего к дополнительному научному поиску.

Рассмотрим с этих же позиций использованный диссертантом термин *Sicherheitshaft*. Корень *Sicherheit* широко распространен в юриспруденции государств с официальным немецким языком. Достаточно вспомнить зна-

менитую гитлеровскую SD (*Sicherheitsdienst*) и не менее знаменитую восточногерманскую *Stasi* (*Staatssicherheit*). Во всех случаях употребления в юридических наименованиях это слово означает только одно – «безопасность». В приведенных примерах – «служба безопасности» и «государственная безопасность» соответственно. Никакой привязки к стадиям уголовного процесса термин *Sicherheitshaft* не имеет, а значит переводить его как «заключение под стражу в судебном производстве» несколько неточно. Фактически *Sicherheitshaft* – это арест, который применяется именно после передачи обвинения в суд, что с буквальным лексическим значением термина прямо не связано. Главное здесь, как полагаем, в другом: швейцарский законодатель, разграничивая два вида заключения под стражу, четко обозначил цели их применения в каждом случае. Если *Untersuchungshaft* применяется **для обеспечения расследования**, беспрепятственного собирания доказательств, дающих основания для направления обвинения в суд, то *Sicherheitshaft* применяется уже **после направления обвинения в суд для обеспечения безопасности** участников процесса с обеих участвующих сторон (*Parteien*), всех других его участников и любых причастных к делу иных лиц, а также для системы собранных доказательств, то есть для обеспечения нормального хода судебного процесса и исполнения приговора, если подсудимый будет осужден.

КАЧЕСТВО СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕ ТОЛЬКО ОПРЕДЕЛЯЕТ СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ АВТОРСКИХ СУЖДЕНИЙ И ВЫВОДОВ, НО И ФОРМИРУЕТ НАУЧНУЮ РЕПУТАЦИЮ АВТОРА

Сравнение сопоставимых правовых норм и институтов нередко сопровождается в литературе разного рода историческими параллелями и ссылками на некий иностранный опыт, придающими авторским рассуждениям, как иногда кажется, бóльшую убедительность. Повторимся: сравнительно-правовые разделы иногда включаются в монографические исследования даже без видимой необходимости, как бы мимоходом, просто как некий модный аксессуар. Вот здесь-то авторов и могут поджидать некоторые нежелательные сюр-

призы. Кроме того, использование в уголовно-процессуальной компаративистике отечественных законодательных формулировок для перевода на русский язык иностранных юридических терминов иногда делает легковесными авторские выводы и всю логическую цепочку движения к ним.

Так, в одной из кандидатских диссертаций утверждается следующее: «В отличие от Франции, в России еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 года была детально установлена процедура апелляционного обжалования судебных решений с участием коллегии присяжных заседателей, так как Устав исходил из необходимости обеспечения возможности проверки любого (окончательного или неокончательного) обжалованного сторонами судебного решения» [6, с. 19]. Ссылок на конкретные нормы Устава, подтверждающие эту мысль, в диссертации нет, ссылок на законодательство Франции тех лет – тоже. Между тем в современных литературных источниках, специально посвященных этой проблеме, применительно к Российской империи утверждается прямо противоположное: приговоры, постановленные на основании вердикта присяжных, пересмотру в апелляционном порядке по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. не подлежали [7]. Более того, И.Я. Фойницкий в годы действия Устава, проводя разграничение суда присяжных и суда шеффенов (и любых его подобий в разных странах континентальной Европы), в качестве одного из разграничительных признаков называл как раз невозможность апелляционного пересмотра приговора, постановленного с участием присяжных заседателей [8, с. 134–135]. Именно с этих позиций оценивалось в специальной литературе российское законодательное новшество 2010 г. об апелляционном пересмотре приговоров современного российского суда с участием присяжных заседателей, в том числе и автором настоящей статьи [9].

В той части исследования, которую диссертант называет сравнительно-правовой, им используются исключительно заимствованные русскоязычные тексты, сами же законы Германии, Франции и других государств не анализируются, точные цитаты на языках оригиналов не приводятся. Без достаточных

оснований и без каких-либо оговорок автор называет французских ассизов [6, с. 18] и германских шеффенов [6, с. 28] присяжными, хотя классический суд присяжных с самостоятельным решением их коллегией вопроса о доказанности виновности подсудимого в Германии ликвидирован в конце 1920-х годов, во Франции – фактически в 1940 г., с началом гитлеровской оккупации, а юридически – сразу по окончании Второй мировой войны. Отчасти сохранившиеся в законах этих стран термины не отражают реального положения вещей, а потому могут ввести исследователя в заблуждение, особенно если он анализирует не текст самого закона, а чей-то его русскоязычный пересказ.

Такая же терминологическая путаница прослеживается и на следующем примере.

В кандидатской диссертации, посвященной весьма интересной межотраслевой уголовно-правовой и уголовно-процессуальной проблеме назначения наказания судом с участием присяжных заседателей [10], сформулирована одна весьма неординарная идея – о необходимости создания в России судов присяжных, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних и в отношении них [10, с. 8, 46], с авторским указанием «по примеру Германии» [10, с. 46]. Последняя оговорка выглядит несколько странно после довольно подробного повествования в этой же работе о постепенной ликвидации в Германии в XX в. классической формы суда присяжных (с автономным от профессионального судьи решением коллегии непрофессиональных судей вопроса о виновности) и замене его традиционным для Германии судом шеффенов, принимающих решения в единой коллегии с профессиональным судьей [10, с. 41]. Как уже отмечалось, сохранение в германском законодательстве термина *Schwurgericht* (*Schwur* – тайна, присяга; *Gericht* – суд), наряду с традиционным для Германии *Schöffengericht* (*Schöffe* – судебный заседатель, которого в русифицированном варианте принято называть шеффеном), не означает сохранения или возрождения суда присяжных как такового. Сам факт сохранения в законе термина *Schwurgericht* ничего в этом плане не меняет, ибо к присяге

приводятся любые народные представители в правосудии. То, о чем пишет диссертант применительно к Германии, есть современный германский вариант ювенальной юстиции, который к суду присяжных в его классическом понимании никакого отношения не имеет. А.С. Шайхутдинова сама же пишет: «Шеффенами по делам несовершеннолетних назначаются лица, имеющие опыт работы с молодежью» [10, с. 41]. Присяжные, как известно, – это не шеффены, они не назначаются, а отбираются методом случайной выборки (по жребию). Это относится к числу общепринятых, классических сущностных признаков суда присяжных, отличающих эту форму отправления правосудия и участия в нем «народного элемента» от всех других форм [8, с. 146]. К тому же напомним, что в Испании, как было указано, суд присяжных в специализированных судах, ориентированных на конкретные социальные группы (женщин и несовершеннолетних), не действует. Думается, что не случайно: в таких судах весьма затруднительно, а скорее, и вовсе невозможно методом случайной выборки отобрать непредвзятую коллегию присяжных.

В использовании иноязычных юридических терминов от исследователей требуется особая грамматическая аккуратность.

В одном обстоятельном монографическом труде о досудебном производстве по уголовным делам применительно к современной Германии абсолютно правильно с юридической точки зрения утверждается следующее: «прокурор является как бы "хозяином", "главным распорядителем" досудебного производства (как говорят немецкие процессуалисты, *herr des ermittelungsverfahren*)» [11, с. 19]. Орфография цитируемого источника здесь воспроизведена в точности по особой причине. Бесспорно ценная и уместная характеристика германского «прокурорского дознания», или «полицейского дознания под усиленным прокурорским надзором», как его называют в русскоязычной научной литературе, делает особенно досадной одну сугубо лингвистическую неточность: **в немецком языке все существительные пишутся с заглавной буквы**. Из трех слов в приведенной цитате существительных два – Herr (буквально – господин, хо-

зяин) и Ermittlungsverfahren (буквально – процесс расследования) – и есть определенный артикль родительного падежа des, который один только и должен писаться со строчной буквы. Эта особенность письменного немецкого языка имеет давнюю и богатую историю, в которой нашлось место и первому переводу Библии на немецкий язык Мартина Лютера (XVI в.), и трудам самых известных германских филологов – Иоганна Готтшеда (XVIII в.) и Конрада Дудена (XIX–XX вв.). Однако в наше время вопрос о таком написании имен существительных относится к начальному уровню школьной программы по немецкому языку и предметом научных споров не является. От дальнейших комментариев воздержимся, отметив лишь, что приведенный случай неправильного написания немецких существительных, к сожалению, не единичный и встречается в других, очень добротных, российских научных трудах [12, с. 22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем краткие итоговые выводы.

1. Уголовно-процессуальная компаративистика – необходимая и полезная часть научных исследований, позволяющая выявлять, решать и прогнозировать проблемы развития любой национальной системы уголовного процесса и ее взаимодействия с правовыми системами других государств.

2. Качественная уголовно-процессуальная компаративистика предполагает сравнительный анализ иностранного законодательства и литературных источников на языке оригинала, она максимально свободна от идеологических штампов, искажающих смысл иностранных правовых и литературных источников.

3. Подмена объективных сравнительно-правовых исследований субъективным приспособлением авторского изложения содержания иностранных правовых и литературных источников к решению конъюнктурных авторских задач чревата как искажением собственных авторских представлений о правовой реальности, так и введением в заблуждение широкой читательской аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А.Туманова. – Москва : Международные отношения, 1999. – 400 с.
2. Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головки. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
3. Юришина Е.А. Суд присяжных в Испании: историческая ретроспектива, предпосылки возрождения и некоторые отличительные особенности / Е.А. Юришина // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 3А. – С. 87–98.
4. Трефилов А.А. Десять особенностей института доказательств в уголовном процессе Швейцарии: сравнительно-правовой анализ / А.А. Трефилов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5. – С. 110–115.
5. Куликов М.А. Меры пресечения по законодательству Российской Федерации и иных государств романо-германской правовой семьи (континентальной системы права) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Куликов. – Москва, 2020. – 230 с.
6. Везденев К.Е. Апелляционное обжалование приговоров: проблемы подготовки и оценки жалоб и представлений : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / К.Е. Везденев. – Тюмень, 2022. – 230 с.
7. Камнев А.С. Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России: традиция и международные стандарты уголовного правосудия / А.С. Камнев // Вестник Томского университета. – 2015. – № 391. – С. 160–166.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург, 1996. – Т. 1. – 594 с.
9. Тарасов А.А. Об апелляционном пересмотре решения суда присяжных / А.А. Тарасов // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 3. – С. 18–20.
10. Шайхутдинова А.С. Особенности назначения наказания при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.С. Шайхутдинова. – Нижний Новгород, 2022. – 226 с.
11. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография / С.Б. Россинский. – Москва : Норма, 2021. – 408 с.
12. Вилкова Т.Ю. Принцип участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве : монография / Т.Ю. Вилкова, С.А. Насонов. – Москва : Юрайт, 2018. – 261 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 30.01.2024. The article was submitted 14.01.2024; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

REFERENCES

1. David R., Joffre-Spinosi C. Basic legal systems of our time. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 400 p.
2. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
3. Yurishina E.A. Jury trial in Spain: historical review, revival of institute and some distinctive features. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, iss. 3A, pp. 87–98. (In Russian).
4. Trefilov A.A. Top ten features of the evidence institute in Swiss criminal process: a comparative study. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 5, pp. 110–115. (In Russian).
5. Kulikov M.A. Preventive measures under the legislation of the Russian Federation and other states of the Romano-Germanic legal family (continental system of law). *Cand. Diss.* Moscow, 2020. 230 p.
6. Vezdenev K.E. Appeal against sentences: problems of preparing and evaluating complaints and submissions. *Cand. Diss.* Tyumen, 2022. 230 p.
7. Kamnev A.S. Review of an otherwise final jury trial decision: legal tradition and international law standards of criminal justice. *Vestnik Tomskogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 391, pp. 160–166. (In Russian).
8. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. Saint Petersburg, 1996. Vol. 1. 594 p.
9. Tarasov A.A. On the appellate review of a jury verdict. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2011, no. 3, pp. 18–20. (In Russian).
10. Shaikhutdinova A.S. Peculiarities of sentencing when considering a case with the participation of jurors. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2022. 226 p.
11. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.
12. Vilkova T.Yu., Nasonov S.A. The principle of citizen participation in the administration of justice in criminal proceedings. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 261 p.